

Среди ночи коса

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Среди ночи коса СРЕДИ НОЧИ КОСА

Собачий лай раздался среди ночи.
Проснувшийся от лая за окном,
Открыл барчук испуганные очи
И локон коснулся над челом.

Он приподнял гардины, полусонный,
На позднего прохожего взглянуть,
Но пуст был сад, луною осененный,
И лунным блеском серебрился путь.

Собаки лаяли, гремя цепями.
Вдоль изгороди тихо смерть кралась,
Пригнувшись над холодными снегами,
Чтоб не пугать дитя в неровный час.

Из рукава овчины оснеженной
Ее коса сверкнула второпях...
И мальчик прошептал замороженный:
«Хочу я месяц, что блестит в снегах!»

• НЕВЕСТА МЕЛЬНИКА

Звон колокольный вознесся до звезд.
Свадебный поезд вошел на погост.

В шелковом платье невеста была.
Под руку медленно с мельником шла.

Лишь миновала ограды витье,
Три малыша обступили ее.

Три малыша стали плакать и выть,
Стали за платье ее теревить.

Первый промолвил: «О, мама моя!
Скинь голубую вуаль для меня!

И с головы венок миртовый скинь.
Тлеет на камне твой маленький сын.

Здесь, на погосте, в глухой стороне
Вырой могилку, пожалуйста, мне.

В поле на камне лежу день-деньской —
Рядом серпом жнут и косят косой.

В поле родился я, полем дышал,
Как же за плугом ходить я мечтал!

Если бы жизнь продолжалась моя,
Не было б пахаря лучше меня!»

Крошка вторая заплакала тут:
«Мама, приди на заброшенный пруд!

Мелкую сеть ты с собой захвати,
В мутную заводь ее опусти.

Только раскинется сеть в глубине,
Юную дочь ты увидишь на дне.

В лунную ночь ты меня родила
И, как котенка, на пруд отнесла.

О, будь жива я, то солнечный свет
Выбелил сеть бы мою на просвет.

Стала бы нить моя чистой волной,
Не было б лучше на свете иной.

Если бы жизнь продолжалась моя,
Лучшей прядильщицей стала бы я!»

Третий промолвил: «О, мама моя,
Ты посади на колени меня!

В чреве твоём я лежал, угнетен,
И откликался на каждый твой стон.

Страх и позор, и бесчестье, и пыл
С кровью твоею горячей я пил.

Тайно в хлеву ты меня родила –
Стала печальнее ты, чем была.

Жизни жестокой боялся и я,
И на соломе дрожал я, скуля.

Глотку мою ты зажала рукой –
Сладостным сделала вечный покой!

Мама, прижми меня к сердцу сейчас
И поцелуй крепко тысячу раз!»

Младший малыш только это сказал,
Как к материнским коленям припал.

Тихо она свой венок совлекла,
Первому сыну его отдала.

Следом вуаль она скинула с плеч
С тем, чтобы бледную дочку облечь.

Дочка и сын вдруг исчезли вдали,
Две алых розы взамен расцвели.

С мамой остался последний сынок.
Вот поцелуй его ротик обжег.

Как голубок, он расправил крыла,
В небо взлетел, а она умерла.

• ЖЕНЩИНЫ НИДЫ

Женщины Ниды на пляже морском
Вглядывались в голубой окоем:
К берегу лодка неслась меж зыбей,

Черный флажок развевался над ней.

Лодка уткнулась в высокий причал.
«Всюду чума! – вестовой прокричал. –
От Хайдекруга и до Шаакен
Царствует смерть, и разруха, и тлен!»

Молвили женщины: «Что ж, не беда –
Смерть поджидает за дверью всегда.
Мы каждый день, вспоминая Творца,
Бьемся за милую жизнь без конца.

Дюна за дюной блуждают кругом,
Только от Господа милости ждем...»
Все же чума как-то ночью пришла,
Вместе с сохатым залив проплыла.

На колокольне печальная медь
Стала теперь непрестанно звенеть;
Через три ночи закончился бой,
И воцарился покой гробовой.

Как миновала четвертая ночь,
Женщины Ниды отправились прочь.
Шли босиком по тропинке лесной
В траурных платьях с узорной каймой.

Выйдя на берег, надели чулки
И деревянные башмаки.
Заголосили в песках ветровых:
«Семеро нас лишь осталось в живых!»

Нет больше плотника – гроб смастерить,
Нет больше внуков – могилу отрыть,
Нет больше пастора – слово сказать,
Нет и служанки – чашу подать.

Белая Дюна, послушай теперь:
Перед тобой настезь всякая дверь,

В наши дома ты свободно ступай,
Печи и лавки песком засыпай.

Бог нас оставил одних умирать.
Значит, тебе Его дом занимать.
Вот тебе Книга и крест – пошалить.
Только приди ты нас похоронить.

Наше проклятье и наша любовь,
Ты заверни нас в последний покров.
Вот уже голос наш робок и тих...»
Дюна пришла и засыпала их.

• ПРОЩАНИЕ С КЕНИГСБЕРГОМ

Тебя, мой город, пригласила смерть
На огненную пляску среди тьмы.
На твой горящий плащ глядели мы
И слышали, как с церкви кафедральной
Тебя печальной песней погребальной
Расплавленная отпевала медь.

И было тяжело смотреть,
Как мимо свай, обугленных чудовищ,
Струился Прегель к огненной купели,
Где жертвенным огнем склады горели –
Могильники утраченных сокровищ.
Мы видели, как из небытия
Явилась смерть без маски и без грима,
И вниз пустилась через клубы дыма
Ее зловеще черная ладья.

Таким ты был. Весь пепельным снежком
Запорошен, обломками завален,
Дотла сожжен, разрушен до развалин,
Казался ты угрюмым чужаком.
Ты ненависти пламенной внимал,
Ты траурной одежды не снимал –
Мечта врага, всесильного мечом!

Ты, с побледневшим предстоя лицом,
Лихую смерть достойно принимал.

Мы прочь от пепелища уходили,
Но, уходя, без усталости твердили:
Пускай сюда мы больше не вернемся,
Но детям рассказать клянемся,
Где наша кровь и где наш отчий кров,
Что наш источник жизни не померк,
Что ты вовек бессмертен, Кенигсберг!

• ПРИЗНАНИЕ

О, мой народ, я из тебя восстала, как росток.
Тебе, как матери родной, я поклонилась в срок.
Мой воскресили дух твое дыхание и любовь.
Ты сотворил меня – от плоти плоть, от крови кровь.
Как медоносная пчела, тебе служила я,
И с нищими делилась этим счастьем бытия.

Как мне хотелось, чтобы ты стряхнул стальные звенья,
И чтобы на груди моей нашел отдохновение!
Знать, от тебя вдали мне угасать в тиши мертвецкой –
О, дай мне, Господи, приют в родной земле немецкой!
Пусть песнь моя навеки в нашей юности продлится,
А бранный прах мой пусть к тебе, народ мой, возвратится.

Агнес МИГЕЛЬ.

Перевел с немецкого Евгений Лукин. Goşgular